

Здравствуйтесь, меня зовут Маша, и вот мой рассказ, очень мило описанный Элеонорой. Мне 18 лет, я студентка одного престижного московского университета. Живу в общежитии, так как приехала из глубинки. На стипендию естественно не проживешь, поэтому сразу же по приезду устроилась на работу в одну фирму секретаршей. Работа, в общем, не сложная, но занимает много времени, все меньше и меньше я теперь занимаюсь языками — я учусь на филолога.

Моя начальница, у которой я работаю, типичная бизнес-леди, деловая и всегда очень стильно одевается. Фигурка у нее точеная, не то, что у меня, хоть я и не толстушка — сразу видно, что много времени проводит в элитных спортивных клубах. Я выше нее где-то на пол головы, а по весу — во мне кило на семь больше. Правда, такое неравенство я оправдывала весом моих неприлично больших титок (как мне про них еще мама говаривала, шутя, конечно же), но это скорее для утешения самолюбия, чем для встречи с горькой правдой — лишний вес действительно был, ну да речь не об этом.

Зарабатывала, я довольно неплохо, если учесть, что активно гулять и проматывать деньги я не люблю. Зато я люблю шмотки. И потому с первой же зарплаты я выделила почти всю часть на обновку своего офисного вида. По стилю я старалась подражать своей руководительнице. Каково же было мое удивление и разочарование, когда Светлана Владимировна — так зовут мою начальницу — бегло пробежав глазами по моему новому виду, небрежно заметила, что, мол, прежний мой прикид ей нравился больше.

— Ты же еще совсем молодая, — сказала она тогда — зачем тебе эти деловые костюмы? Носи свои короткие платица да открытые кофточки. — Да, и моя прошлая секретарша предпочитала носить высокие каблуки — поначалу я с ней боролась (было уж очень вызывающе), а теперь так привыкла, что по-другому и не могу представить, — последние слова она говорила полусхоту. Но я намек поняла, и от обиды даже больше на себя, чем на нее решила так разодеться, что мало не показалось бы никому.

Не стану утомлять длинным рассказом о своем крестовом походе по магазинам, скажу только, что, когда я вместе примерила все обновки, видок у меня был на волосок от пошлого. Но с каким-то самобичеванием я смотрела на свое отражение и представляла, как в таком виде появлюсь на работе.

Да, и вот еще что. У моей начальницы резкий и властный голос. Им она очень хорошо умеет отчитывать своих нерадивых сотрудников, да так громко, что частенько слышно и мне, хотя я сижу далековато от входной двери в ее личный кабинет. После таких, как Светлана Владимировна их называет «бесед», провинившиеся сотрудники с плохо скрываемой злобой вылетали из кабинета, а сотрудницы, кто в слезах, кто весь красный, а кто и то и другое, понуро плелись к своим местам, часто забывая закрыть за собой дверь. Так вот. Стоя перед зеркалом в почти потаскушном виде, я неожиданно представила, как Светлана Владимировна отчитывает меня, одетую в это непотребство, своим звонким голосом за всяческие провинности. Честно сказать, я была удивлена: такой яркой и четкой получилась представшая в моем воображении сцена. Но самое поразительное было то, что от этого я сильно возбудилась. Никогда не считала себя извращенкой, да и с женщиной не могла себя представить тоже. Дома у меня остался ухажер, с которым мы часто топили страсть в объятьях

друг друга. Здесь же вот уже пол года никого. Может поэтому, я себе такое представила и так отреагировала?

Привычная мастурбация не помогла, хотя я кончила более бурно, чем обычно бывает. Здесь так же свою роль сыграло воображение — во время последних мгновений перед оргазмом оно мне услужливо подсунило картинку, где я стою перед начальницей уже совсем голая, не смея ни одеться, ни прикрыться, и только слушая ее претензии к моей работе.

С этого все и началось. Я стала еще робче стучаться к ней в дверь, не смела поднять глаза при разговоре. Отвечала на вопросы почти всегда односложно и поминутно краснела. Самым удивительным для меня открытием, когда я одной долгой ночью пыталась разобраться в своих чувствах, было то, что вроде как мне это все нравится, и я не хочу менять сложившееся положение вещей. Стоит ли и упоминать, что эта попытка во всем разобраться плавно перетекла в дикую мастурбацию.

Начальница так же заметила во мне перемену. Вылилось это в то, что я чаще стала вбегать на высоченных каблуках с голыми ногами к ней в кабинет, неся никому ненужные бумаги. Теперь ей так же требовалось по пять-шесть кружек чая в день, хотя раньше она пила не больше двух. Возвращаясь к себе после поданной кружки, я ощущала на своей виляющей из-за высоких каблуков заднице ее пристальный взгляд, что вызывало во мне волну горячего стыда и одновременно будоражило, рождая жгучие желание.

Одним летним вечером я на работе засиделась допоздна. Была пятница и почти вся фирма разъехалась по дачам задолго до положенного окончания трудового дня. Светлана Владимировна с утра уехала на какую-то презентацию, до сих пор ее не было. И вот, когда я уже собралась уходить явилась она.

— Маша, мигом чаю в кабинет, — сильный запах спиртного ударил в нос. Перед моими захлопавшими от удивления глазами громыхнула закрывающаяся дверь в ее личные покои. Так вульгарно она со мной еще не позволяла себе разговаривать, но почему-то снова ее приказной тон пробрал меня до костей — я поспешила за чашкой. Через пол минуты я уже входила на негнущихся ногах к ней в кабинет.

— Где ты шляется, нерасторопная корова? Опять сосала член очередного сотрудника? — эти слова ввели меня в ступор. Было видно: она плохо соображает, что говорит, но все же нельзя же молоть такую похабщину.

Тем не менее, я не устроила истерику, я не кинула в нее несомую мной чашку с горячей жидкостью, даже ничего не сказала в ответ. Любая добропорядочная девушка с хоть толикой самоуважения на моем месте поступила бы одним из вышеописанных способов или, по крайней мере, просто развернулась бы и ушла, навсегда (по крайней мере, мне так тогда казалось).

Я же с непонятно откуда взявшимся возбуждением начала лепетать глупые оправдания. Зачем я это сделала — не знаю. Меня ведь оскорбили, унизили, а я в чем-то извиняюсь, да к тому же еще и теку. Может я действительно ненормальная?

Дальше было еще хуже. Только я поставила на стол перед своей начальницей чашку с глупой улыбкой на лице, она кинулась на меня и, расвирепев, видимо оттого, что не дождалась от меня внятного ответа, принялась рвать на мне и без того скудную одежду.

Я не сопротивлялась: шок и почти ирреальность ситуации превратили меня в комнатное растение. Вскоре вся одежда рваной кучей валялась на полу, только трусики я бессознательно удержала в руках (как они там оказались, я не помню), и даже всей силы этой мегеры не

хватило, чтобы вырвать их из моих намертво вцепившихся пальцев.

Мы застыли друг перед другом. Благодаря моим каблукам, я оказалась на голову выше своей начальницы, но смотрела сверху вниз на меня именно она, как это у нее получалось — ума не приложу, хотя им, если честно, никогда особо не блистала.

— Раздвинь ноги пошире, блядь! — властный приказ сорвался с ее ухмыляющихся губ.

Не знаю, как, но я подчинилась. Ноги словно сами раздвинулись, как будто всю жизнь только и ждали подобного веления. Смачный шлепок обрушился на мою промежность. Такими шлепками обычно любовник по попке шлепает своей любимой в минуты наивысшей страсти и только — так я думала до сего момента. К моему невероятному удивлению и еще большему стыду после удара отчетливо было слышно влажный всхлип моей писечки — я вся текла, просто насквозь была мокрой!

— Ох! — только и смогла сказать я от неожиданности. Почему-то больно не было, было даже приятно.

— Хм. Я вижу тебе это нравится, сучка — Светлана Владимировна даже не спрашивала, она утверждала, поднося к моему лицу свои пальчики, сплошь покрытые моей смазкой, после того как они некоторое время усиленно терли мои половые губки. Сказать, что я ловила кайф от движений ее руки у меня между ног, значит, ничего не сказать — я просто летала в облаках, и даже, по-моему, тихо стонала. Никогда не думала, что можно получать столько удовольствия от такой немудреной и грубоватой ласки. Наверное, всему виной было мое унижительное положение, которое заводило лучше любого порнофильма.

При виде собственных выделений на пальчиках начальницы щеки мои запылали огнем. Как же я тогда стыдилась своей реакции! Подумать только: меня сначала унижают, потом раздевают, шлепают между ног и затем там же усиленно трут, словно намывая мылом, и при этом даже не спрашивают моего согласия! А что же я? А я от такого обращения теку, как последняя шалава, да еще и со сбившимся от предвкушения дыханием жду продолжения! Слезы брызнули из моих глаз — я не могла выносить подобное унижение. Но, в который уже раз, унижение лишь усилило бушевавший между ног пожар.

— Стой на месте, чертова дырка, — молвила Светлана Владимировна, отходя к боковому шкафу у дальней стены.

Боже! Боже! Ну почему мне так нравится, когда она меня называет подобным образом?!!! Мои ноги так и застыли раздвинутыми, будто приросли к полу или их кто-то тяжелой цепью приковал к стене. Хм, цепи на моих ножках — да-а, мне это нравится! ох как возбуждает! Ой, нет, нет! Прочь эти мысли! Прочь! Бежать надо, пока не поздно! Да, цепи не только на ногах, но и на руках, чтобы я не смела даже думать о побеге — пусть меня оттрахают всласть и как следует выпорют за непокорность! Господи, что я несу?! Неужели я и вправду такая похотливая извращенка?!

Я так и стояла каменной статуей, в позе сдавшейся на милость победительнице самки. Руки застыли в воздухе, не смея прикрыть интимные места, лишь большая грудь с торчащими металлической крепости сосками часто вздымалась и опускалась от нахлынувших эмоций. Зажатые в левой руке белые (и надо сказать довольно влажные! влажные уже тогда!) трусики безмолвно и как будто с укоризной взирали на происходящее непотребство. Рваная куча одежды на полу лежала мертвой. Ну, то есть никаких взглядов, вроде как, я от нее не заметила. В полубредовом состоянии я продолжала стоять, с помутнившим от непонятно каких чувств (но похоть в этом списке была точно не последней) взором. Пока не услышала

заплетающийся монолог своей командирши:

— Ну что ж, приступим. Пора тебе понять, сучка, что ты+ э-э+ ты моя сучка, и место твое должно быть у моих ног, да у моих ног, — мда, и что только алкоголь не делает с человеком+. Видимо он раскрыл потайные нотки ее натуры — доминировать над молодыми девушками, по крайней мере, желание у нее было именно такое.

К всеобщей радости (или ужасу) и моему глубокому стыду, мое желание полностью совпадало с ее.

— Что, потаскуха, готова принять свое первое, но далеко не последнее наказание от своей госпожи?! — Светлану Владимировну бросало из стороны в сторону, словно капитана, идущего по палубе парусного брига в сильный шторм.

Ответа, походу, от меня не требовалось (что лишь добавляло возбуждения — мое мнение никого не интересовало) ибо начальница смотрела упрямо перед собой, а не на меня — видимо боролась с встречным течением, не весть как попавшимся на пути злосчастливого брига. Но про себя я все равно мысленно сказала «да!» — так, на всякий случай, чтоб не осталось сомнений, кто я такая.

В руках у своей новоиспеченной госпожи я заметила стек, коими обычно лошадей погоняют — видела сама как-то раз по телевизору такие в руках жокеев — по спорту скачки передавали. Видимо, сегодня лошадью предназначалось быть мне. «О да, из меня получится отменная похотливая кобылка, если как следует поработать надо мной!» — мысли одна унижительней другой проносились в моей съехавшей с катушек от страсти головке.

Наконец, потрепанный бурей, но все-таки державшийся на плаву бриг, вошел в тихую гавань, расположенную прямо рядом с моими дрожащими от желания и до сих пор расставленными ногами.

Не говоря ни слова, Светлана Владимировна ухватила меня за волосы и потащила к столу. Мда, и что только не делают голые, сочащиеся влагой желания девушки с пьяными людьми. И куда только подевалась неуверенная «штормовая» походка? Куда пропали заплетающиеся речи?

Одним четким, выверенным движением меня растянули на рабочем столе. Упругие груди, давно изголодавшиеся по грубым ласкам, были рады встретить на своем пути резко появившуюся крышку стола, и даже немного амортизировали мое падение, но не до конца. Несколько сантиметров я все же пропахала своими сиськами по столу, от чьих окаменевших сосков кажется, остались царапины на полированной поверхности сего предмета мебели. Признаюсь, это доставило мне мгновения незабываемого унижительного удовольствия. Под командованием уверенного ровного голоса я стала принимать нужную моей госпоже позу для экзекуции.

Я стояла раком с широко разведенными ногами, туловище мое лежало на столе. Если учесть, что стол не очень высокий, а вот я с этими десятисантиметровыми шпильками — очень даже, то станет понятно, почему мой голый зад смотрел прямо в потолок. Поза, конечно, для меня была не совсем удобна, но полная открытость и доступность делали такую позу незабываемо волнующей (по крайней мере, меня).

Затем последовала долгожданная экзекуция. Надо отдать должное моей госпоже, делала она это умеючи. Поначалу она как следует взгрела меня рукой, да так, что я визжала и стонала от удовольствия после каждого смачного шлепка. С каждым шлепком я начинала желать свою хозяйку, любить ее, и хотеть быть ее покорной рабыней все больше и больше. И с каждым

ударом во мне росло дикое, нечеловеческое возбуждение. Бедра сами подавались назад, навстречу удару, клитор просто изнывал, прося уделить ему хоть толику внимания.

А когда мои красные ягодицы ожог первый удар стека, я готова была сойти с ума.

— О да, Госпожа! Еще! Выпорите свою непокорную рабыню! Я ваша шлюха! Да! Сильнее, моя Госпожа! О да, о да, о да я буду покорной, я все сделаю, что Вы велите, любой Ваш приказ! — до сих пор не верю, что я это говорила.

Потом моя повелительница вновь дернула меня за волосы и развернула к себе лицом. Мне было велено развести ноги еще шире, что я мигом и сделала, да так развела, что заломило бедра. И тут Светлана Владимировна хорошенько приложила стеклом по моему дрожащему от нечеловеческого возбуждения клитору. Мир рухнул куда-то вниз, в глаза ударила огненная вспышка, а между ног родился атомный взрыв непередаваемого блаженства, чья взрывная волна мигом прошлась по всему телу до кончиков волос и ногтей, а затем вернулась и взорвалась с новой силой. Ох! Такого запредельного удовольствия я никогда еще не переживала. Мне показалось, что моя оргазмирующая душа взлетела на небеса, где ее пронзали электрические молнии кайфа. А вот хотела ли она вернуться обратно в брызжущее кончиной тело, был большой вопрос. Казалось, что не очень.

Очнулась я на полу, перед глазами все плыло. Но даже мой мутный взор сумел ухватить черные высокие сапоги из отличного качества кожи, стоящие посреди моих широко разведенных ног. Сознание быстро вернулось ко мне, за ним уцепилось и возбуждение. Невольно я представила вид этой сцены со стороны. Посреди комнаты в горделивой позе и высокими черными сапогами стоит красивая женщина средних лет, а у ее ног валяется голая на все согласная молодая рабыня, только что выпоротая и кончившая от порки не один раз, но уже вновь готовая к очередному оргазму. Воистину женское тело может творить с собой чудеса.

Мои глаза с неподдельной преданностью смотрят на хозяйку. Короткий приказ, и я, сторя со стыда, развожу дрожащими пальчиками свои половые губки. Туда устремляется острый кончик ее сапожка. Аккуратно она вводит его все глубже и глубже. Не выдерживаю этой пытки и одним резким рывком бедер оказываюсь полностью насаженной на ее ножку. О да, это признание моего полного падения перед ней, признание, что я не больше чем похотливая покорная самка, даже не человек, я что-то неизмеримо меньше, но и что-то неизмеримо больше: я — ее рабыня.

Как всегда жду ваших отзывов, фантазий и предложений: leonora_bove@mail.ru

P. S. Девушки! Ну будьте хоть чуточку смелее в выражении своих эмоций — вон парни, те не стесняются написать, что им понравилось, что они нафантазировали и пару-тройку свежих идей подсказать:).

Дерзайте!